

ШАХОВСКИЙ В. И.

СООТНОСИТСЯ ЛИ ЭМОТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА С ПОНЯТИЕМ?

Мысль о возможности выразить человеческие эмоции через сознание и язык не нова. Поскольку эмоции в этом процессе получают языковое оформление, представляется необходимым разобраться в том аспекте эмотивной семантики языка, который соотносит ее с обобщающей функцией сознания. Предлагаемая работа преследует три цели: 1) выяснить, как решается в лингвистике вопрос о самом факте эмотивного значения; 2) вскрыть взаимосвязь слова, понятия, мышления и эмоций; 3) высказать гипотезу о возможной понятийной соотнесенности эмотивной семантики слова и подойти к разработке лингвистической теории эмоциональной стороны речи [1, с. 343].

Многочисленные проблемы и задачи, стоящие перед коммуникативной лингвистикой, настоятельно требуют исследования роли эмотивного значения как человеческого фактора в осуществлении речевого общения. Мнений об эмотивном значении слова высказано уже немало. Суть этого явления до конца не выяснена, хотя ясно, что такой феномен (может быть, и не под таким словесным обозначением) существует и с ним надо считаться.

Наличие эмотивного значения у слова признается не всеми лингвистами. Так, по мнению Зегерштедта, для выражения эмоций важна функция слова, а не его значение; эта функция задается контекстом и условиями коммуникации [2, с. 142]. Среди наименее исследованных проблем, связанных с эмотивным значением, можно назвать следующие: каким образом эмотивный компонент лексической семантики слова соотносится с понятием и мышлением; как он соотносится с денотативным компонентом значения; в чем его самостоятельность или коннотативность; как он соотносится с экспрессивным значением; как он представлен в языке на различных его уровнях; в чем специфика эмотивной номинации по сравнению с дескриптивной; как изменяются нормы реализации и содержание эмотивного компонента в синхронии и в диахронии; как осуществляется межъязыковая эмотивная коммуникация (аспект эмотивных универсалий) и др.

В результате длительных споров по поводу отнесения эмотивного компонента к лексической семантике (как в советской, так и в зарубежной лингвистике) выясняется, что этот компонент входит в семантическую структуру языковой единицы (ср. [3, с. 406; 4]; противоположное мнение см. [5, с. 104]). Но вопрос о роли эмотивного значения в составе семантики слова (микро-, макрокомпонент, аспект, вариант, окраска значения, коннотация и пр.) остается пока открытым, как и вопрос о структуре этого компонента (моноструктура или полиструктура). Неясна до конца и типология предельных составляющих компонентов эмотивного значения.

Некоторые лингвисты пытались предложить более или менее строгие критерии для выяснения внутренних параметров, формальных маркеров эмотивного значения и составляющих его микроэлементов (ср. компонентный анализ У. Вайнрайха и Э. Бендикса и метод семантического дифференциала Ч. Остуда). К сожалению, указанные методы в большой мере основаны на интуиции исследователя и не всегда могут быть признаны вполне доказательными.

В связи с тем, что эмотивное значение не поддается формальной экспликации, предлагалось даже вообще «отменить» его как нечто неустойчивое, диффузное, зависимое от множества факторов, находящихся как внутри, так и за пределами его формы. Так, по мнению Джуса, эмоциональные элементы речи не могут быть описаны «конечным числом» абсолютных категорий и рассматриваются им как «смутные, неуловимые, переменчивые явления», как внеязыковые элементы [6, с. 197]. Стивенсон [7] считает, что эмотивное значение зависит от первичного концептуального содержания, от изобразительного значения, от ассоциаций и от импликаций слова, от личных взаимоотношений говорящего и воспринимающего. Такое обилие зависимостей, по его мнению, делает эмотивное значение словарно нефиксируемым феноменом, тем более, что, как и сами эмоции, эмотивное значение обладает множеством оттенков, которые не всегда можно объяснить, выразить или описать словами.

Нельзя не признать, однако, что эмотивное значение слова не является отражением эмоций только данного говорящего. Оно — не индивидуально, а представляет собой обобщенное отражение «социальной эмоции». В этом отношении эмотивное значение носит такой же социальный характер, как и логико-предметное значение: оно соотносимо с соответствующими эмоциями любого носителя данного языка. В стандартных эмоциональных ситуациях люди данной языковой общности испытывают и выражают принципиально одинаковые эмоции. Каждый индивид, естественно, варьирует типизированную эмоцию, подгоняет ее под то или иное слово (знак этой эмоции) в зависимости от своего индивидуального опыта, но в пределах социального (обобщенного) опыта. Это и обеспечивает дифференциацию эмоций при их языковом выражении через эмотивное значение того или иного языкового средства.

Можно отметить, что обилие случаев использования нейтральных языковых единиц для выражения эмоциональности как будто бы подтверждает мнение Зегерштедта об эмотивности как следствии использования слова в той или иной функции. Но абсолютное большинство советских и зарубежных лингвистов настаивает на существовании с л о в а р н о г о эмотивного значения. Приведем некоторые доказательства в подтверждение его реальности.

1. Два слова могут иметь одинаковое логико-предметное значение, но различаться по наличию (отсутствию) эмотивного компонента. Ср. англ. *poet: rhymester; obstinate: ass; bad: terrific* и др. К одному или нескольким синонимичным по логико-предметному значению словам в языке есть эмотивные параллели с противоположными оценочными знаками: *girl: bunny/bint; child: kid/brat; woman: duck/crow*. Эти слова имеют приблизительно одно и то же денотативное содержание, но различаются по ассоциируемым понятиям, по выражаемым эмоциям, по эффекту воздействия, по ситуациям употребления и пр., что ведет к различиям и в их глобальных значениях.

2. Эмотивное значение может развиваться отдельно от логико-предметного внутри лексического значения слова: так, англ. *imp* в значении

«ребенок» во времена Шекспира употреблялось как ласкательное, игривое название ребенка и ласкательное обращение к взрослым людям, а его современное значение толкуется словарями как «mischievous child» (эмоция неодобрения). Аналогично в русском языке слова *ребенок*, *ребеночек* по отношению к взрослому человеку являются ласкательными по форме, но уничижительными по содержанию.

3. Эмотивные значения слов осознаны, дискретны, адекватно идентифицируются и дифференцируются говорящими, одинаково соотносятся всеми говорящими на данном языке с типизированными ситуациями и эмоциями, одинаково идентифицируются ими с языковыми единицами их выражения — носителями этих значений. В связи с этим эмотивные значения, несомненно, коммуникативны. Эмотивная лексика сознательно отбирается говорящими в рамках существующего кода, т. е. ее отбор контролируется сознанием говорящих в зависимости от ситуации общения. Коммуникативность эмотивов — единиц языка с эмотивным типом семантики — заключается в том, что они сообщают о душевном волнении говорящего, передают некую эмоциональную информацию (одновременно с фактуальной или независимо от нее), вызывают ответную эмоциональную реакцию; например осознанное обеими сторонами общения чувство отвращения, презрения, ненависти и др. В абсолютном большинстве случаев использование эмотивного значения коммуникантами смоделировано. На этом факте основаны сценическое искусство (например, известная система Станиславского), художественная литература, воспроизведение прошлых эмоций при пересказе событий, демонстрация и симулирование эмоций и мн. др.

4. Эмотивное значение может быть вычленено при измерении смысловой информации контекстуального слова [8, с. 16]. Рассмотрим следующий английский пример: «No,— said the girl, but it's dreadful to be hungry» (Th. Dreiser. *Sister Carrie*). Проведем диагностирующую трансформацию, т. е. заменим слово *dreadful* на слово *bad* (явно нейтральное в эмотивном отношении, т. е. рационально-оценочное слово). Такая замена выявляет сему оценочности в семантике слова *dreadful*. Однако смысловая информация высказывания при этом далеко не адекватна вертикальному контексту, за ее «бортом» остается выражение сильных эмоций девушки. В связи с этим необходимо признать, что сема оценочности слова *dreadful* является периферийной, вершиной же является сема эмотивности (ее маркеры — «feeling», «emotion», «horror», «fear»). Сема «эмоция» с комплексом семантических признаков и семных конкретизаторов («ужас», «страх») составляет эмотивное значение данного слова — информацию, передающую чувство страха, ужаса говорящей, наряду с отрицательной оценкой голодной жизни в чужом городе.

5. На факт существования эмотивного значения указывает, например, также и то, что оно быстрее схватывается (понимается, осознается), чем логико-предметное значение. До осознания логико-предметного значения слова, как показали психолингвистические эксперименты [9, с. 94—108], человек осознает его эмоциональный смысл (что-то хорошее, что-то плохое: оскорбление, гнев, ласка и пр.). Факт более быстрого воздействия эмотивного значения (по сравнению с логико-предметным) на сознание человека говорит, по нашему мнению, в пользу признания так называемого «эмоционального мышления».

В литературе приводится, в частности, такой факт самостоятельности эмотивного значения; больные афазией затрудняются вспомнить дескриптивное слово, обозначающее тот или иной предмет, но зато оперируют эмо-

тивами, характеризующими их отношение к этим предметам и выражающими эмоциональные ощущения. Например, кусок торта и протухший сыр больной афазией называть не может (не помнит слова), но указывая на торт, говорит: «Good!», а на сыр: «It stinks!» [2, с. 159]. Аналогичные факты находим и в исследованиях Э. Л. Носенко [10, 11], Н. В. Витт [12, 13] и других лингвистов и психологов.

Все изложенное позволяет, на наш взгляд, считать объективным факт существования эмотивной семантики слова и рассматривать эмотивное значение в качестве одного из ее типов.

Понятие, как известно, является одной из категорий мышления. Слово, понятие и мышление оказываются тесно сопряженными. Поэтому наличие в словарном корпусе любого языка так называемой эмотивной лексики, а также потенциальная способность словарных неэмотивов быть употребленными в эмоциональных целях указывает на связь этой лексики с эмоциональным мышлением. «Эмоциональное мышление» давно признается психологами как объективно существующий психологический феномен [14, § 4, с. 147—159; 15, 16]. Мы исходим при этом из того, что эмотив — это слово, а слово является, несомненно, элементом сознания. Лайонз резко противопоставляет понятия и эмоции, разводя их по противоположным полюсам мыслительной деятельности [17, с. 473]. Однако заметим, что эмоциональное состояние (гнев, радость, печаль, страх и пр.), действительно, не может считаться понятийным, но его языковое выражение является осмысленным, кодифицированным, т. е. поднятым до понятийного уровня сознания. Понятие, например, ужаса и эмоции ужаса передаются одним и тем же словом.

Проблема эмоций — это проблема отношений объекта мира (O) и субъекта (S). Эмоции существуют только там, где есть отношение этих параметров. Эмоция — это реакция субъекта на стимул, который заставляет человека по-иному группировать объекты мира и их свойства. Понятия об этих объектах и их свойствах создаются в результате взаимодействия S и O [18]. Влияние O на S и активное отражение объекта субъектом вызывает в S определенные психические изменения, т. е. эмоциональные реакции. Другими словами, осмысление человеком отношений SRO может сопровождаться эмоциями. Приведем несколько иллюстраций: 1) Старый замбк в двери упорно не открывается: «Ч е р т о в замок!»; 2) Целый день в квартире звонит телефон, не давая ничего делать: «П р о к л я т ы й телефон!»; 3) Подвел каким-то образом приятель: «Н у, и с в и н ь я ж е!»; 4) Получила неожиданный подарок: «О й! Ч т о з а п р е л е с т ы!» и т. п. Эти и им подобные типизированные реакции должны находить отражение, т. е. быть как-то закрепленными в структуре понятий об объектах мира и спроецированными на семантику слов и высказываний, называющих эти объекты или описывающих их взаимоотношения. Ср. англ. сленг. *fink* «undesirable person, one who is not trustworthy (an informer, a strikebreaker or worse), a term of abuse or disrespect». Формирование понятий об отражаемых словом объектах реального мира зависит от познающего, отражающего и говорящего субъекта. А поскольку «...без „человеческих эмоций“ никогда не бывало, нет и быть не может человеческого искания истины» [19], то на некоторые формируемые понятия «набрасываются» эмоционально-субъективные сетки отношений к тем предметам (в лингвистическом смысле термина), которые стоят за этими понятиями. Эти отношения попадают в сигнификат соответствующих слов в виде социально закрепленных компонентов, т. е. смысловых долей — рациональных или эмоциональных оценок [20].

Оценочные понятия являются общепризнанной категорией: модальная логика включает модальность в содержательную структуру понятия, а оценка — компонент модальности. Примерами слов, отражающих оценочные понятия, являются: англ. *scoundrel* «подлец», «мерзавец», «негодяй», *blackmailer* «вымогатель», *liar* «лжец»; *to snake* «пресмыкаться», *to ape* «обезьянничать», *hypocrite* «лицемер», *rotten* «гнилой» и др. Но оценочное отношение может быть и эмоциональным, т. к. в процессе сигнификации эмоции могут играть значительную роль. И в случае рациональной, и в случае эмоциональной оценки при окончательном оформлении понятия сознание человека как бы выводит за скобки маркеры эмоций основного (логического) содержания понятий. Но они — эти маркеры эмоций — присутствуют виртуально в сознании носителей языка и манифестируются в определенных контекстах речевого общения.

Предполагается, что социальные эмоции могут через соответствующие понятия проецироваться на семантику слова, проникать в нее, закрепляться в ней и воспроизводиться в типизированных ситуациях. С другой стороны, предполагается, что не только понятия о том или другом предмете задают содержание соответствующих им слов, но и, наоборот, отдельные семантические компоненты могут индуцировать в соответствующих данным словам понятиях те или иные признаки, обогащающие их содержание. Так, например, обстоит дело с эмоционально-оценочно-экспрессивными признаками, которые возникают в «официальном» содержании понятия за счет эмоциональных ассоциаций и представлений говорящих, ср. англ.: *Euroshima*, *reaganomics*, *mafia*, *junter*, *Pentagonese*. Исследование материала приводит нас к мысли о том, что лексическое содержание слова является результатом взаимодействия двух видов понятий: дедуктивно-логического и индуктивно-прагматического. Первый вид понятий общеизвестен и общеприят (понятие с определенной совокупностью существенных признаков). Эти признаки формируют основу прямых, так называемых предметно-логических значений слов. Второй вид понятий включает в себя потенциальные и субъективно приписываемые предмету признаки. Среди этих признаков могут быть и оценочные, носящие эмоциональный характер. Именно эти последние лежат в основе эмотивной семантики слова. При таком подходе традиционное двухчастное деление семантики слова (денотативная и коннотативная) получает понятийную детерминацию, а оба компонента значения — понятийную онтологию, что, видимо, и объясняет однозначную интерпретацию эмотивов всеми коммуникантами определенного социума. Отличие этих двух видов понятий заключается, в частности, в том, что первое, т. е. дедуктивно-логическое, имеет более жесткие границы. Этому последнему соответствует семантический инвариант того или иного слова. Границы индуктивно-прагматического понятия «размыты», они содержат изменяющиеся и субъективные признаки, варьирующие семантику слова, в том числе и по эмотивным парадигмам. Индуктивно-прагматические понятия являются производными и вторичными по отношению к дедуктивно-логическому понятию.

Рассмотрим два примера индуктивно-прагматических понятий. При объяснении содержания понятий мы исходим из того, что словарные дефиниции отражают понятийное содержание слова, и из понимания понятий как свернутых суждений, разворачиваемых для обнаружения их интенционала, экстенционала и импликационала. В содержание интенционала понятия входят существенные, главные признаки, в содержание экстенционала — несущественные, второстепенные, а в импликационал — ассо-

циативные, потенциальные, вероятностные и пр. Все эти признаки подвержены оценочной квалификации, рациональной или эмоциональной. Ср. англ. *gate-crasher* (one who attends without an invitation) [21, с. 402]. Это значение можно представить следующим образом: *незванный гость* = «человек, приходящий в гости» (интенционал) + «незванно, неожиданно» (квалификативно-атрибутирующая рамка интенционала) + «что не является нормой, и потому нежелательно» (оценочный атрибут), т. к. «приносит неудобства хозяину, нарушая его планы» (экстенционал) + «что вызывает у него недовольство (эмоциональный атрибут), социально и узואльно закрепленное и воспроизводимое в типизированной ситуации».

Как отмечалось выше, эмоция есть отношение *SRO*. Традиционно считается, что предметно-логическое значение слова совпадает с понятием. Именно поэтому то, что дано в словарной дефиниции слова, якобы и есть само понятие. Для говорящего обыденное понятие и слово, таким образом, тождественны, они — лишь две стороны одного листа. Любая дефиниция — это логическая операция, которая раскрывает в какой-то степени (никогда — в полной) содержание понятия, и через него — обобщенное, но не исчерпывающее знание о предмете. С этих позиций эмоциональное-окрашенное содержание понятия есть несколько иное знание о мире. Поясним сказанное на таком примере: *Петя — тигр*. Среди сущностных признаков, характеризующих тигра, имеется признак «жестокость». По этому приведенное высказывание имеет смысл «Петя жестокий, как тигр» ($\approx$ как если бы был тигром). Признак жестокости тигра закреплен в социальном опыте говорящих коллективов однозначно и получил эмоциональное осмысление. Он вызывает эмоцию страха, что нашло эмоциональную оценку осуждения в соответствующем понятии. Через многочисленные контексты употребления этот признак возвратился во вторичную семантику слова *тигр* как эмотивно-окрашенное созначение, т. е. коннотация.

Сама по себе «жестокость» является понятийной дескрипцией. То, что эта дескрипция ассоциируется со страхом, и ведет к тому, что эмоциональное отношение к обозначаемому словом *тигр* является вершинной семой в его значении. Сема «эмоциональное отношение» оказывается в высказывании *Петя — тигр* в «коммуникативном фокусе». Но когда мы говорим *Петя — тигр*, то мы можем выражать не только осуждение, но и восхищение, что зависит от ситуации и вертикального контекста. Эмоция восхищения при этом ассоциируется с другими признаками, характеризующими тигра — «ловкость», «смелость», «изящество», «грация» и пр. Их эмоциональная оценка также отражена в импликационале понятия о тигре.

Во всех рассмотренных здесь случаях основной эмоциональной окрашенности содержания понятия являются определенные логические признаки — характеристика объекта мира. В этом отношении права В. Н. Телия, которая считает, что без когнитивной «подкладки» невозможно оценить все стороны означаемого [24].

Ю. С. Степанов подчеркивает, что «значение слова *стремится к понятию как к своему пределу*» [23, с. 12—14]. Эмотивы — слова, выражающие эмоции говорящего, — на наш взгляд, также «стремятся» быть понятийно обусловленными. Мы говорим об эмоционально окрашенных понятиях только в том смысле, что содержание некоторых понятий через семантику слов — их носителей — может вызывать адекватные эмоциональные реакции, социально закрепленные за соответствующими словами и репродуцируемые при их употреблении в речи. И в случае эмо-

тивов, и в случае немотивов понятие является кодовым ключом для их адекватного восприятия и употребления в речевом общении. Наиболее полно и точно эту мысль высказал А. Н. Савченко: «...при помощи языка осуществляется и закрепляется сочетание определенных эмоциональных отношений с определенными понятиями в соответствии с социальным опытом народа или социальной группы, и, таким образом, чувства, являющиеся неотъемлемым элементом сознания, становятся неотъемлемым элементом языковой формы мышления» [24, с. 30].

Вопрос о сути эмотивного значения тесно связан с вопросом о том, как оно соотносится с понятием. Эта проблема подробно обсуждается в ряде зарубежных работ, но ни к какому убедительному решению авторы пока не приходят. Какие же аргументы выдвигаются учеными против понятийности эмотивного значения? Огден, Ричардс, Эмпсон и другие исследователи относят междометия, бранную лексику, инвективы (нецензурные слова), непосредственно выражающие эмоциональные состояния, к непонятным на том основании, что сами эти состояния непонятны. Насколько данное положение аргументированно? Привлечем для рассмотрения междометия — наиболее ярких представителей эмотивной лексики любого языка. Споры об этой категории имеют очень долгую историю и восходят к античности. Суть возникающих здесь проблем может быть сведена к трем основным: языковая природа, семантическая маркированность и коммуникативная релевантность междометий. Интересно отметить, что по всем этим вопросам как в отечественном, так и в зарубежном языкознании имеются прямо противоположные точки зрения. Из последних работ, где дан их обзор, укажем монографию И. С. Торопцева [25] и учебное пособие А. С. Дыбовского [26].

Тезис о семантической маркированности междометий и их способности выражать понятия выдвигался и аргументировался и ранее в ряде работ [27—29]. Суть этих аргументов заключается в следующем: междометия, несомненно, являются словами, т. к. они отвечают критерию цельности этой языковой единицы. А. С. Дыбовский указывает на способность междометий к номинализации, адвербиализации, вербализации [26, с. 29], к синтаксической ассимиляции: номинализированные междометия «выступают в предложениях в функции подлежащего, сказуемого, дополнения» [26, с. 49]. В качестве аргумента в пользу словности междометия, а следовательно, и его обобщающего характера, указывается и на павловское учение о сигнальных системах. При этом делается вывод, в соответствии с которым первой сигнальной системы «в чистом виде» у человека якобы не существует [26, с. 24]. И. С. Торопцев в связи с этим замечает, что междометие — не произвольное высказывание. Неучастие сознания и воли при воспроизводстве междометий — кажущееся ввиду автоматизма речи. Только непосредственная звуковая реакция (т. е. нефонематическая) на раздражения (первая сигнальная система) свободна от мышления и воли [25, с. 101].

Нам представляется, что эти факты могли бы послужить аргументами в пользу понятийности междометий. Еще одним подобным доводом является их адекватное понимание говорящими (они обладают общепонятным значением), а следовательно, и их воспроизводимость.

А. И. Смирницкий считал эмоциональное содержание междометий непонятным, т. к. «оно не осмысливается, не анализируется, а непосредственно выражается, не будучи, так сказать, пропущенным через мышление» [30, с. 80]. Мнение такого выдающегося советского ученого, несомненно, авторитетно. Но ведь если междометия не осмысливаются, не анали-

зируются и не пропускаются через мышление, тогда з а ч е м в словаре любого языка имеется довольно большое количество дискретных междометий на все случаи эмоциональной коммуникации, к а к говорящие узнают правила их употребления и к а к они эти междометия различают и понимают? За счет сознания, не достигающего понятия? Такое толкование, на наш взгляд, мало что объясняет, т. к. проблема непонятного сознания еще более сложна. Другое дело, если А. П. Смирницкий имел в виду нефонематические звуки (выкрики, «мычание», стоны и т. п.). Они действительно «не осмысляются, не анализируются и не пропускаются через мышление», и представляют всего лишь уровень эмоциональной рефлексии.

Видный американский ученый Э. Станкевич, специально занимавшийся проблемами «эмотивного языка», полагал, что понятийное содержание междометий диффузно, свернуто до минимума, но оно есть. Именно поэтому Станкевич [31] считал неправомерным относить междометия к неязыковым единицам, т. е. отрицать их языковую сущность. Близок к этой точке зрения и Стивенсон, ставящий эмотивное значение междометий в зависимость от тех понятий, которые они передают [7].

Сравнивая высказывания *Я осуждаю этого человека за его изворотливость и угодливость* и *Он проныра и подхалим*, А. Н. Савченко замечает, что второе предложение якобы ни под какое понятие не подводится, т. к. слова *проныра* и *подхалим* являются непосредственным выражением эмоции отвращения и в этом смысле равноценны междометиям (в первом высказывании, по А. Н. Савченко, выражено понятие осуждения [24]). Если с ним согласиться, то окажется, что в языковых системах имеется огромное количество лексических единиц, выражающих эмоции непосредственно. Тогда вся эмоционально-оценочная лексика языка попадает под эту категорию и объем непонятийной лексики значительно расширяется. С таким мнением и неожиданными выводами из него трудно согласиться.

В качестве аргумента в пользу непонятийности эмотивного значения некоторыми учеными [32] используется тот факт, что эмотивное значение может варьироваться независимо от того дескриптивного значения, к которому оно «прикреплено». Но такой аргумент также вызывает возражение, потому что тогда становится непонятым сам принцип «прикрепления» эмотивного значения к тому или иному дескриптивному значению той или иной конкретной языковой единицы. Имеющее в языке место относительно независимое варьирование дескриптивной и эмотивной частей семантики слова, на наш взгляд, объясняется социолингвистическими и психологическими причинами: логическое содержание понятия и его эмоциональное осмысление могут изменяться в разной степени. По нашему мнению, аргумент Штирле и Коэна [33] говорит именно о связи эмотивного значения с понятием, которое бесконечно и постоянно изменяемо, что влечет за собой изменение его эмоционального осмысления. Но поскольку эмоциональность, в принципе, более лабильна, чем рациональность, изменение эмотивного компонента семантики слова может опережать развитие его логико-предметного компонента или отклоняться в неожиданную сторону, а затем закрепляться в опыте говорящих и «возвращаться» в семантику соотносительных слов, ср. англ. сленг: *cool* «kill», *bleeder* «a very stupid, unpleasant or contemptible person», *cow* «loosely woman», *dish* «an attractive person, esp. a woman».

Еще один довод против понятийной отнесенности эмотивной семантики: оттенки эмотивного значения не всегда можно выразить словами и описать в терминах понятий (т. е. логических дескрипций), а в речевом обще-

нии на формирование этих оттенков могут оказывать влияние совершенно случайные факторы, например, звуковой эффект [2, с. 159]. Конечно, при рассмотрении любого вопроса можно найти аргументы «за» и «против». Но в данном случае — при изучении эмотивного значения — целью должно быть установление тех факторов, которые задают эмотивную функцию слова, и определение статусов эмотивного компонента в семантике слова, а не отрыв его от логико-предметного компонента последнего.

Известно, что язык есть практическое сознание и поэтому он «не может не включать в той или иной форме всех сторон целостного отражения действительности» [34, с. 124]. Сознание включает и рациональные, и эмоциональные моменты, соотносящиеся или ассоциируемые с понятиями и с соответствующими им эмоциями. Каким бы самостоятельным ни представлялось эмотивное значение, оно ассоциируется с теми или иными эмоциональными представлениями, а последние, как известно, сопровождают понятия. Так что отрицать вообще какую бы то ни было связь эмотивного значения с понятием нельзя.

Конечно, признать, что эмотивное значение является продуктом только чистого интеллекта и что оно происходит только от понятий, было бы упрощением сложного механизма его формирования и соотносительности с понятием. Однако полностью отрицать факт его некоторой зависимости от понятийного содержания слова — значит переводить всю эмотивную семантику языка в область стихийности психики. Что же, на наш взгляд, говорит о понятийной сопряженности эмотивного значения? Во-первых, в абсолютном большинстве случаев все слова с эмотивным значением имеют логические корреляты (это и слова, и описательные словосочетания, передающие те же понятия). Даже междометия можно представить в понятийных терминах: *Hurrah!* = *I'm pleased very much, overjoyed about something*. Легко заметить различие в информации и прагматике того, что стоит справа и слева от знака равенства. Аналогично можно семантизировать любое междометие, бранное, нецензурное слово, равно как и другие эмотивы. У них есть первичное понятийное содержание (то же, что и в их нейтральных коррелятах), хотя их понятийные ассоциации, конечно, различны. Так, у эмотива *frightful* первичным понятийным содержанием было «full of fright», у эмотива *awful* — «full of fear». Отрицать, что эмотивное значение междометия имеет несколько аспектов и хотя бы в одном из них остается понятийным, как нам представляется, нельзя. Можно, видимо, признать, что в принципе существует и непонятийное эмотивное значение как разновидность понятийного. Но если эмотив может получить социальную понятийную интерпретацию, закреплена за определенной ситуацией, то его эмотивное значение может быть понятийно обусловлено.

Представляется важным для данного анализа напомнить, что языковое (словесное) выражение эмоций, в конечном счете, всегда является намеренным, даже если оно, на первый взгляд, и спонтанно: ведь в любом случае эмотивы отбираются на сознательном или подсознательном уровнях. Все зависит от скорости их осмысления, которое может быть и незаметным в состоянии сильной эмоциональной напряженности коммуникантов.

Некоторые ученые предполагают, что поскольку эмоции и понятия — различные явления, эмоции должны выражаться только непонятийно (ритм, интонация, просодия и пр.) [35, с. 346]. На это можно возразить следующим образом. Многие понятия, как мы уже отмечали выше, сами по себе имеют определенную эмоциональную ценность, которая в речевом опыте переносится на слово, семантика которого, таким образом, получает понятийную детерминацию. Например, в английском языке имеется боль-

шой фонд зоолексем, во вторичных (метафоричных) значениях которых присутствует эмотивная коннотация уничижения или одобрения. Говорящие четко дифференцируют употребление конкретного зоонима в целях той или иной эмоциональной характеристики человека, ср. в уничижительном значении: *fox* «хитрый», *parrot* «болтливый», *ass* «глупый», *wolf* «пожирающий других», *dog* «злой», *weasel* «проныра, пролаза», *crow* «уродливый (о женщине)», *cow* «неповоротливая и толстая (о женщине)», *monkey* «копирующий других, не имеющий своего ума», *crab* «раздражительный» и др. А зоонимы *chicken*, *kitten*, *kid*, *sprat*, *pussy*, *bird* и др. выражают дифференцированную ласкательность. Аналогично обстоит дело и с аффективами-междометиями: *damn*, *deuce*, *darn*, *blimey*, *faugh*, *gosh* и др., и с аффективами-обращениями: *lovey*, *darling*, *sweetheart*, *honey*, *kitten* и др.

Прежняя деятельность человека, т. е. его опыт, формирует наборы фреймов (по М. Минскому) или прототипных спен (по Ч. Филлмору), включающих эмоциональные консоциации (по Г. Шперберу) и представления. Представления, как и их словесные знаки, вызывают в психике человека эмоции. В этом проявляется связь первой и второй сигнальных систем: при восприятии слова мы «переживаем» образ и потому как бы ощущаем сам объект наименования. Этот процесс можно назвать сенсуальным воздействием слова [36, с. 170], при котором значение данного слова одновременно вызывает у коммуникантов и представление о предмете, названном данным словом, и определенные эмоции, сопряженные с ним.

Таким образом, эмоции могут переноситься с предмета на представление о нем, а с представления о предмете — на слово и его семантику. Из этого следует, что связь между представлением и эмоцией довольно тесная, «субъективная связь превращается тогда в нашем мышлении в объективную категорию» [36, с. 169]: слово, «принявшее» в свое значение объективную эмоциональную окраску представления о предмете, начинает само по себе производить такое же воздействие на наше сознание, как и сам предмет или представление о нем. Это, несомненно, объясняется тем, что понятия и представления отражены в семантике слов, в том числе и в эмотивной. Ср. русск. *канючить*, *хайло*, *втюриться*, *общага*, *приспешник*, *молодчик*, *деточка*, *миленький*, *лапочка*, *котенок*, *славненько*; англ. *monster*, *brute* («исключительно жестокий и подлый человек»), нем. *der Hitzkopf* «горячая голова (о человеке)», *der Schreiberling* «борзописец», *der Söldner* «наемник, наймит». Понятийностью лексического значения, видимо, является соотнесенность (непосредственная или опосредованная) семантических компонентов с соответствующими понятийными признаками, проектируемыми на значение слова и формирующими его семантическую конфигурацию, т. е. переход одного качества признаков (предметного) в другое (понятийное) и далее в третье качество (семантическое). Поскольку принципиально возможна передача эмотивных компонентов лексического значения на иностранный язык [37—39], то возникает вопрос: как был бы возможен перевод эмотивов, если бы они никакого отношения к понятиям не имели?

Таким образом, в языке, несомненно, есть эмотивная семантика (как результат отражения эмоций в языке), однако она не однородна. Одним из ее видов является эмотивное значение, причем в этом случае эмотивность в слове самостоятельно значима и обязательна. Но каким бы самостоятельным эмотивное значение ни представлялось, оно всегда соотносится как минимум с определенными представлениями, а последние, когда они уже сформированы и социологизированы, не могут быть независимыми от понятий.

Мышление, как известно, протекает в форме понятий, а понятия требуют опоры на слово. Отсюда ясно, что слова — посетители понятий, в том числе и слова с эмотивным значением. Выразить эмоцию — значит как-то охарактеризовать отражаемый объект, показать свое эмоциональное отношение к нему (любая осмысленная эмоция есть прежде всего отношение, т. е. оценка, а эмоция возникает только при оценивающем мотиве). Отношение (в том числе и эмоциональное) имеет определенную содержательно-концептуальную базу, благодаря которой и возможны интерпретации эмотивных значений.

В заключение отметим, что признание эмоционального аспекта мышления и эмоционально окрашенных (индуктивно-прагматических) понятий указывает на: 1) неправомерность противопоставления интеллектуального и эмоционального в слове; 2) необъективность отнесения всех эмотивных компонентов семантики к непонятийным; 3) ошибочность выведения всего эмоционального в языке за пределы лингвистики. Эти выводы дают возможность с иных позиций рассматривать структуры семантики языковых единиц и место эмоций в этой структуре и вообще в системе языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Леонтьев А. А. Психологические механизмы речи // *Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка*. М., 1970.
2. Language, thought and culture / Ed. by Henle P. University of Michigan Press, 1958.
3. Резников Л. О. Против агностицизма в языкознании // *ИАН ОЛЯ*. 1948. № 5.
4. Азнаурова Э. С. Очерки по стилистике слова. Ташкент, 1973.
5. Новиков Л. А. Семантика русского языка. М., 1982.
6. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // *Структурализм: «за» и «против»*. М., 1975.
7. Stevenson C. L. Meaning: emotive and descriptive // *Philosophical review*. 1948. V. 57.
8. Частные вопросы автоматизированного анализа текстов. Минск, 1972.
9. Шаховский В. И. Лингвистическое интервью как метод установления эмотивной адекватности оригинала и перевода // *Средства выражения экспрессивности текста*. Ростов н/Д, 1982.
10. Носенко Э. Л. Специфика проявления в речи состояния эмоциональной напряженности: Дис. ... докт. филол. наук. М., 1979.
11. Носенко Э. Л. Эмоциональное состояние и речь. Киев, 1981.
12. Витт Н. В. Эмоциональная регуляция речевого поведения при общении: Текст лекций спецкурса. М., 1983.
13. Витт Н. В. Речь и эмоции. М., 1984.
14. Проблемы мышления в современной науке. М., 1964.
15. Тихомиров О. К. Структура мыслительной деятельности. М., 1969.
16. Тихомиров О. И. Психология мышления. М., 1984.
17. Лайонс Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978.
18. Лекторский В. А. Субъект. Объект. Познание. М., 1980.
19. Ленин В. И. // Полн. собр. соч. Т. 25. С. 112. Реч. на кн.: Рубакин Н. А. Среди книг. Т. II. М., 1913.
20. Брожик В. Марксистская теория оценок. М., 1982.
21. New Webster's dictionary of the English language. Springfield, 1971.
22. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1985.
23. Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. М., 1975.
24. Савченко А. Н. Язык и системы знаков // *ВЯ*. 1972. № 6.
25. Горюхов А. С. Язык и речь. Воронеж, 1985.
26. Дыбовский А. С. Универсальные свойства междометий и их лингвистическое описание. Владивосток, 1983.
27. Гравинчек Фр. Некоторые замечания о значении слова и понятия // *ВЯ*. 1956. № 1.
28. Искоз А. М., Ленкова А. Ф. Выражают ли междометия понятия? // *Уч. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук*. 1958. Вып. 48. № 260.
29. Виноградов В. В. Русский язык. М., 1972.
30. Смирницкий А. И. Значение слова // *ВЯ*. 1955. № 2.

31. *Stankiewicz E.* Problems of emotive language // Approaches to semiotics / Ed. by Sebeok, Jh. A. London — The Hague — Paris, 1964.
32. *Sterle K.* Text als Handlung. München, 1975.
33. *Cohen J.* Structure du langage poétique. P., 1966.
34. *Резников Л. Д.* Понятие и слово. Л., 1958.
35. *Benson J.* Emotion and expression // Philosophical review. 1967. V. 76.
36. *Кутерман Б.* Эмоциональный смысл слова // ЖМНП. Нов. сер. 1909. Ч. 19.
37. *Гак В. Г.* Проблемы лексико-грамматической организации предложения: Дис. ... докт. филол. наук. М., 1968.
38. *Комиссаров В. Н.* Слово о переводе. М., 1973.
39. *Швейцер А. Д.* Перевод и лингвистика. М., 1973.